

Глава Перед тем как лечь спать, Гарриет достала
вторая блокнот. Ей надо было о многом подумать. Завтра начинаются занятия в школе. Завтра придется кучу всего записывать — все, что случилось с друзьями за лето. Значит, сейчас надо подумать о миссис Голли.

Мне кажется, что Оле-Голли расстраивается, когда видит миссис Голли. Моя мама не такая умная, как Оле-Голли, но она куда умней, чем миссис Голли. Не хотелось бы мне, чтобы моя мама была такая же идиотка. Не думаю, что ко мне будут хорошо относиться, если у меня мама такая идиотка. Наверно, стоит написать рассказ о том, как миссис Голли попала под грузовик. Но она такая толстая. Даже не знаю, не случится ли что с грузовиком. Это надо еще обдумать. Не хотелось бы мне быть такой, как миссис Голли, но ужасно интересно, что у нее в голове происходит.

Гарриет положила блокнот и побежала в комнату к Оле-Голли, чтобы поцеловать ее на ночь. Оле-Голли

сидела в кресле-качалке и читала при свете настольной лампы. Гарриет влетела в комнату и бросилась прямо на узкую кровать, покрытую огромным желтым пледом. Все в этой комнате было желтым, начиная со стен и кончая хризантемами в вазе. Оле-Голли, как она сама говорила, была без ума от желтого.

– Убери ноги с кровати, – скомандовала, даже не глядя, Оле-Голли.

– О чем твоя мама думает? – спросила девочка.

– Не знаю, – задумчиво ответила няня, продолжая глядеть в книгу. – Год за годом задаю себе этот вопрос.

– Что ты читаешь?

– Достоевского.

– А это что? – нарочито противным тоном спросила Гарриет.

– А ну, послушай. – На лице няни появилось знакомое выражение, обещавшее цитату. – «Любите всё создание Божие, и целое, и каждую песчинку, каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, на всяк день. И полюбишь наконец весь мир уже всецелою, всемирною любовью»*.

– А что это значит? – после минутного молчания задала вопрос Гарриет. – Как ты думаешь, что это значит?

* Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы.

– Ну, если ты любишь все, тогда... тогда... наверно, ты тогда знаешь все, тогда... это как... ну, ты любишь все еще больше. Я не знаю. Ну, это такое вот... – Оле-Голли с нежностью посмотрела на девочку, если только представить себе, что лицо, словно вырезанное из дуба, может выражать нежность.

– Хочу знать все, все на свете, – вдруг завопила Гарриет, откидываясь на спину и раскачиваясь на пружинном матрасе. – Все на свете, все на свете, все на свете. Хочу быть шпионкой и все знать.

– Что проку знать все на свете, если ты не знаешь, что с этим делать. А ну, убирайся с моей кровати. Пора спать, мисс Гарриет, шпионка, – с этими словами Оле-Голли встала и потянула Гарриет за ухо.

– Ой-ой-ой, – вопила Гарриет, пока ее таким образом выдворяли из комнаты, хотя на самом деле ей нисколько не было больно.

– А ну, марш в постель.

– А мама с папой скоро придут? Успеют меня перед сном поцеловать?

– Нет, они пошли в гости, – ответила Оле-Голли, укладывая девочку в постель. – Ты их увидишь утром за завтраком. А теперь спать, чтоб в одно мгновение...

– Ха-ха-ха, – расхохоталась Гарриет, – мгновенный сон.

– Еще одно слово... Ты же завтра в школу идешь. – Оле-Голли наклонилась и крепко щелкнула Гарриет по лбу. Она никогда не целовала девочку, что Гарриет вполне устраивало, потому что она ненавидела все эти

поцелуи. Няня выключила свет. Гарриет было слышно, как она вернулась в комнату, взяла книгу и снова уселась в кресло-качалку. Тогда девочка приступила к тому, что всегда делала, когда предполагалось, что она спит, — достала карманный фонарик, книгу и уютно устроилась читать под одеялом, пока Оле-Голли, тоже как всегда, не пришла и не забрала фонарик.

Наутро миссис Уэлш спросила:

— Хочешь попробовать бутерброд с ветчиной? Или с сырным салатом? С ореховой пастой? — Мама глядела на Гарриет вопросительно, а стоящая рядом кухарка — с большим неудовольствием.

— С помидором, — не отрываясь от книги, которую читала за завтраком, ответила девочка.

— Перестань читать за столом. — Гарриет положила книгу. — Послушай, Гарриет, ты носишь бутерброды с помидором в школу каждый день, вот уже пять лет. Тебе не надоело?

— Нисколечко.

— Как насчет сыра с оливками?

Гарриет подняла голову. Кухарка в отчаянье всплеснула руками:

— С колбасой? С холодным мясом? С огурцом?

— С помидором.

Миссис Уэлш пожала плечами и безнадежно глянула на кухарку.

— Ну прямо как пьяница — все одно, — ухмыльнулась та.

Миссис Уэлш потянулась к чашке кофе.

— Рада, что снова в школу?

— Не то чтобы очень.

Мистер Уэлш отложил газету и поглядел на дочь:

— Любишь школу?

— Нет, — ответила Гарриет.

— Я свою всегда ненавидел. — Мистер Уэлш снова скрылся за газетой.

— Дорогой, ты не должен так говорить. Я свою более или менее любила, по крайней мере, когда мне было одиннадцать. — Миссис Уэлш взглянула, словно ожидая ответа, на дочь.

Гарриет не знала, что ответить, поскольку не была уверена, нравится ей школа или нет.

— Пей молоко, — сказала миссис Уэлш. Девочка всегда ждала того момента, когда мама произнесет эти слова. Как бы ей ни хотелось пить, было как-то приятнее, если мама напоминала о молоке. Она выпила молоко, задумчиво вытерла рот и встала из-за стола. Оле-Голли вошла в столовую.

— Что нужно сказать, когда встаешь из-за стола? — рассеянно напомнила миссис Уэлш.

— Спасибо, — ответила девочка.

— Хорошие манеры весьма важны, особенно по утрам, — пробормотала Оле-Голли, направляясь на кухню.

Гарриет помчалась в свою комнату.

— Я иду в шестой класс, — закричала она, просто чтобы не было скучно одной в комнате, потом схватила блокнот, хлопнула дверью и помчалась вниз. — Прощайте! —

завопила она, словно собираясь в Африку, и громко хлопнула входной дверью.

Школа имени Элеонор Грегори была названа в честь некой мисс Элеонор Грегори, потому что та основала ее еще в начале века. Находилась школа на Ист-Эндавеню, всего в нескольких кварталах от дома, наискосок от небольшого парка. Гарриет весело бежала по улице, прижимая блокнот к животу.

Прямо перед школьным крыльцом толпилась небольшая группка детей. Часть школьников стояла поблизости на тротуаре. Дети были всех возрастов и размеров, преимущественно девочки, потому что это была школа для девочек. Мальчики могли там учиться только до седьмого класса, а потом им нужно было переходить в другую школу. Гарриет подумала, что это последний год, когда они ходят в школу вместе со Спорти. Остальные мальчики ее не волновали. Меньше всего ее волновал Пинки Уайтхед – она думала, что он самое тупое создание на свете. В их классе был еще только один мальчик. Гарриет называла его «Мальчик в малиновых носках», он был такой скучный, даже имя его запоминать не хотелось. Он перешел в эту школу всего год назад, а все остальные учились вместе с первого класса. Гарриет помнила, как он впервые появился в школе в малиновых носках. Кому в голову придет носить малиновые носки? Большая удача, что он носит малиновые носки, иначе бы его вообще никто не заметил. Он за весь год и слова не произнес.

Когда она прислонилась к стене и открыла блокнот, к ней подошел Спорти.

– Привет.

– Привет.

– Кто-нибудь еще пришел?

– Только этот тупица в малиновых носках.

Гарриет быстро записала в блокноте:

Иногда кажется, будто Спорти всю ночь не спал. У него такие смешные тени под глазами. Я за него беспокоюсь.

– Ты сегодня умывался, Спорти?

– Не... я забыл.

Гарриет неодобрительно покачала головой, и Спорти отвернулся. На самом деле Гарриет тоже забыла умыться, но это было не так заметно.

– Смотри, Джени идет, – ткнула пальцем Гарриет.

Джени Гиббс была самым близким другом Гарриет, ну, конечно, после Спорти. У нее был химический набор, и она мечтала в один прекрасный день взорвать весь мир. И Гарриет, и Спорти весьма уважали эксперименты Джени, но ни слова не понимали, когда та пыталась объяснить им, что делает.

Джени медленно приближалась, глядя на дерево в парке через дорогу. Она ходила очень странным манером, голова повернута вправо, как у солдата на параде. Гарриет и Спорти знали, что это от застенчивости – она никого не хочет видеть и боится лишних вопросов.

Джени чуть не врезалась в них.

– Привет.

– Привет.

– Привет.

Теперь они стояли все вместе.

– Подумать только, еще один год, – сказала Джени. – На год старше, а к цели еще не приблизилась.

Гарриет и Спорти с серьезным видом кивнули. Они глядели на длинный черный лимузин с шофером. Машина остановилась прямо напротив школы. Оттуда вышла маленькая светлоголовая девочка.

– Ну вот, эта противная Эллин Хансен, – фыркнула Джени. Эллин была самая хорошенькая девочка в классе, поэтому ее все презирали, особенно Джени, которая была вся в веснушках.

Гарриет записала в блокнот:

Джени с каждым годом становится все более странной. Думаю, она когда-нибудь взорвет весь мир. Эллин выглядит так, будто вот-вот заплачет.

Рэчел Хеннесси и Мэрион Хоторн подошли вдвоем. Они непременно ходили парой.

– Доброе утро, Гарриет, Саймон, Джени, – вежливо произнесла Мэрион Хоторн.

Она всегда держалась будто учительница, которая через минуту усядется за учительский стол. Рэчел во всем копировала Мэрион, так что и она посмотрела на них сверху вниз и приветствовала их небрежным кивком головы. Обе направились в школу.

– Ну, это уже немножко слишком, – презрительно глянула им вслед Джени.

Карри Андриус вылезла из автобуса. Гарриет записала:

Карри Андриус стала еще толще с прошлого года.

Лаура Петерс вылезла из машины. Гарриет записала:

*А Лаура Петерс стала еще тоньше и противнее.
Мне кажется, ей пора поставить пластинку на зубы.*

– Ну и ну, – сказал Спорти.

К ним подходил Пинки Уайтхед. Пинки был бледный, тощий и слабый, он напоминал стакан молока, высокий и узкий стакан молока. Спорти просто не мог на него смотреть. Гарриет по привычке тоже отвела глаза, а потом все-таки повернулась, чтобы поглядеть, не изменился ли он за лето. И записала:

Пинки Уайтхед несколько не изменился. Пинки Уайтхед никогда не меняется.

Гарриет мысленно припомнила все, что знает о Пинки. Он живет на Восемьдесят восьмой улице. У него очень красивая мама, а отец работает в магазине. Еще у него есть сестра, ей три годика. Гарриет записала:

Моя мама всегда говорит, что вся проблема Пинки Уайтхеда в его матери. Надо бы спросить, что она имеет в виду. Может быть, мать его ненавидит? Если бы я была ей, я бы его ненавидела.

– Пора идти туда, – усталым голосом произнес Спорти.

— Да, давайте уж покончим с этим, — подхватила Джени и направилась к двери.

Гарриет закрыла блокнот, и они вошли в школу. На первом уроке было общее собрание всей школы в актовом зале.

Мисс Анджела Уайт, директор школы, стояла на сцене. Усевшись, Гарриет нацарапала в блокноте:

Ноги мисс Уайт стали еще больше в этом году. У нее торчат зубы, волосы редкие, а ноги как лыжи и живот выпирает. Оле-Голли сказала, что описание полезно для души и прочищает мозги, как слабительное. Думаю, этого будет довольно для мисс Уайт.

— Доброе утро, дети. — Мисс Уайт склонилась, словно плакучая ива. Школьники с шумом поднялись с мест.

— Доброе утро, мисс Уайт, — начали одни нараспев, и тут же, наподобие подводного течения, поднялась вторая волна бормотания. Мисс Уайт произнесла короткую речь о жевательной резинке и фантиках от конфет, разбросанных по всей школе. Она отметила, что не видит никакого смысла в подобном поведении. Потом началось чтение — обычно две-три старшие девочки читали отрывки из книг, чаще всего из Библии. Гарриет никогда не слушала. Ей вполне хватало Оле-Голли с ее цитатами. Она воспользовалась моментом, чтобы записать в блокнот: